

Вступление

Вряд ли кто в современном обществе будет оспаривать то утверждение, что только в форме «экономики знания» национальные экономики смогут преодолевать кризисные состояния и сохранять перспективы экономического развития. В то же время все более ощутимым оказывается недостаток научных теорий, обосновывающих те или иные стратегии экономического роста, основанного на инновациях. Причем, этот недостаток присутствует, как на микро - , так и на макроуровнях.

Статьи настоящего сборника раскрывают различные аспекты науковедения в нашей стране и за рубежом, раскрывая процессы формирования и динамику изменений организационных структур «экономики знаний».

А.Н.Абрамов пишет о генезисе и эволюция понятия «экономика знания» («общество знания»). Упомянув технологический, экономический, социологический, пространственный, культурологический подходы, автор в то же время, указывает на то, что «многообразие подходов позволяет лучше увидеть частности и детали, чем всю картину в целом». В ретросторической перспективе замечаем, что западный культурно-исторический тип сумел сделать знание и познание ведущим феноменом всей культуры Запада, также и сегодня Интернет можно рассматривать как социальное производство, преобразующее рынок и открывающее новые возможности увеличения индивидуальной свободы, культурных различий, различий в политических идеях и в понимании справедливости. Изучение данных и других феноменов «экономики знаний» требует междисциплинарного синтеза, возможно, речь должна идти о создании новой политэкономии мировой сети.

Говоря о стимулах научно-технических революций, Г.Г.Попов, называет и проблему современной экономической науки, которая с начала XX в. «перестала интересоваться развитием техники, увлекшись проблемой равновесия». Но, это, скорее, относится к «основному течению» - альтернативные направления предлагали другие, не менее радикальные идеи: «Т. Веблен даже предложил в теоретических рассуждениях заменить капиталистическую экономику с ее рыночными институтами технотехнической». В поисках истоков научно-технического прорыва Запада автор обнаруживает идеологический стержень теорий У.Ростона, Ч.К. Гиллиспи, Д.Ландеса и других, переходя затем к объяснению связей политических и научных революций. В итоге он приходит к выводу о том, что научно-техническая революция является результатом социальной революции и интеллектуального переворота, и едва ли эпохальные инновации связаны с чисто экономическими мотивами. Для иллюстрации этой мысли в статье дается обзорное сравнение некоторых аспектов социально-экономического развития двух стран – России и

Пруссии/ Германии в XIX – начале XX вв. Автор заключает, что в России, Пруссии/Германии и многих других странах Европы перед первой мировой войной были заметно ослаблены стимулы к научно-техническому развитию в силу сохранения контроля над экономикой у старой элиты – земельной аристократии. Социалистические трансформации, осуществленные в странах, где победили революции, оказались на проверку псевдомодернизацией в большей своей части. В следующей статье Попов Г.Г. , Щеголевский В.А. исследуют проблему псевдомодернизации в России в XX веке.

Актуальным вопросом на повестке сегодняшнего дня, очевидно, становится вопрос «Что делать?». Е.А.Погребинская пытается дать на него ответ, предлагая в своей статье описание методологии создания инновационной среды. Ключевой характеристикой современной экономики знаний, как указывает автор, становится креативность. Далее, исходя из предположения, что «костяк» инновационного ядра составляют малые инновационные предприятия, факторы, влияющие на инновационную деятельность в России, рассматриваются применительно к ним. Указав в ряду прочих на проблемы наукоемкости и наукоотдачи, адаптации на ранних стадиях жизненного цикла продукта, привлечения инвестиций, автор предлагает методологические схемы инновационного процесса и инновационного трансферта.

В статье О.И. Сударева проблемы инновационного развития рассматриваются в контексте региональной политики. Речь идет «о возможности и необходимости разработки методологии сценарного подхода в проектировании инновационного развития регионов с целью учета параметров «социально – экономического механизма» в модели управления инвестиционными процессами на региональном уровне». В подтверждение представленных теоретических выводов, автор приводит результаты проведенного им эконометрического исследования, из которых следует, что «Инвестиции в человеческий капитал и сетевые ресурсы инвестиционной политики могут оказывать ускоряющий мультипликативный эффект на инвестиционные процессы лишь по прошествии некоторого времени (как минимум два-три года)». Автор также полагает, что с помощью дальнейших эмпирических исследований инновационных процессов можно преодолеть недостаток современной экономической теории, заключающийся в отсутствии адекватной концепции динамических технологических изменений и адаптации экономической региональной системы к изменениям внешней среды.

В статье О.И.Опалевой исследуются некоторые функции государства как института, обеспечивающего создание правового поля для осуществления инновационной деятельности. Приводятся данные, подтверждающие вывод о том, что в России низок индекс институционального режима экономики, а показатели инноваций близки по

значениям данного индекса к странам, опережающим нас по индексу экономики знаний и по общему уровню экономического развития.

В статье С.М.Пястолова такое положение отчасти объясняется тем, что в процессе трансформации экономики Россия оказывается в состоянии неопределенности, свойственной модели т.н. «трансформационного креста». Кроме того, на результаты научных исследований феноменов «трансформационной экономики» и получаемые выводы заметное влияние имеет и ценностная ориентация вовлеченных в такого рода исследования ученых, их сознательная или неосознанная связь с разными группами интересов. Такие связи обнаруживаются, в том числе, в ходе анализа субъективной адаптации к реалиям рыночной экономики российских ученых, работающих в научных организациях бывшего ВПК СССР. Тем не менее, проблема противостояния идей «институционального блицкрига» и инкрементализма (постепенности) в российской экономике разрешается в пользу последнего (к сожалению, методом проб и ошибок). Оказывается, что дело вовсе не в темпах осуществления институциональных преобразований, а в самом подходе к глубинной трансформации множества сложных общественных институтов. В итоге, становится очевидным, что какие - либо серьезные возражения против эволюционного подхода (кроме опасности «реставрации старых порядков») отсутствуют. Хочется надеяться, что данные соображения станут очевидны и для реформаторов образования и науки.

К проблемам взаимоотношений государства и науки в великорусском социуме обращается автор следующей статьи – Л.А.Исаков. Живо и эмоционально, с использованием ярких примеров их отечественной истории, автор показывает, что в России наука устанавливалась в роли Учителя государей, а не их служанки, как это имело место в Европе. Будущее российской науки видится именно в развитии этой функции, а не в следовании иноземным образцам.

В статье С.М.Пястолова и А.М.Суховского в продолжение темы подчиненного положения науки и ученых приводятся мнения о том, что «последние страдают от того, что они чувствуют себя наемными работниками, а не свободными людьми»: ученым платят за преподавание и тому подобное, а научная работа должна делаться почти подпольно. Общественному пониманию положения науки и ученых призвана способствовать вновь зарождающаяся наука: «Исследования науки и технологий» (Science and Technology Studies - STS), в России – Науковедение. Задачи STS формулируются как преодоление когнитивного дефицита, относящегося к общественному пониманию науки, поиск способа внедрения академически корректного знания в области общественного сознания уже подготовленные и даже обладающие определенным

привилегированным статусом и т.п. В этой связи важным является не только определение количественных параметров «качества науки», «мультифакторной производительности» и проч., но также поиск путей взаимопонимания и взаимодействия общества и ученых на пути формирования новой общественно-экономической модели процветающей России.

Одной из составляющих такой модели должна стать новая категория труда. Исследованию данной категории в рамках концепции инфраструктуры посвящена статья О.А.Руднева. Очевидно, в новой модели следует определить, продолжать ли нам «кормится друг другом», как это делают горожане у Л.Толстого и многие субъекты современной экономики услуг (в основном - финансовых), или начать кормится «прямым трудом».

В современной экономике знаний, все большая часть «прямого труда» осуществляется в форме образовательной и научной деятельности. В.К.Бушуев и В.О.Тимченко на примере системы высшего образования в Японии проводят анализ преимуществ и недостатков «самодостаточной» модели высшего образования в сравнении с «открытой». Оказывается, при проведении ИР, японские корпорации предпочитают взаимодействовать с университетами США (за исключением внутрифирменных ИР). Большинство мировых рейтингов университетов, говорят о развивающейся в настоящее время гегемонии в мировой системе высшего образования. Благодаря экономическим достижениям и "интеллектуальному и моральному превосходству" господствующая социально-экономическая группа становится для остальных примером для подражания. Японский опыт показывает, что воздействие глобализации на высшее образование проходит в контекстной, национально-специфической манере. Это, по всей видимости, следует учитывать и российским администраторам образования и науки.

Доминирование рыночной идеологии в экономическом образовании отмечают авторы следующей статьи В.М.Соколинский и Т.В.Соколинская. Информационная экспансия осуществляется через каналы сознания и подсознания, ее успешно реализуют не только руководители торговых корпораций, воздействуя на выбор покупателей, но и авторы современных учебников по «Экономикс», «Макроэкономике», «Микроэкономике». «Среднестатистического потребителя, являющегося по своей исходной природе консерватором, корпорационная обработка на уровне подсознания умеет делать сторонником новизны в потреблении.» «Стремление привлечь покупателей побуждает авторов и издательства к интенсивному использованию зрительных образов, символов. Материал приобретает некий файловый вид». Феномен использования «полной свободы» в структурном построении научной и учебной литературы, к сожалению, почти не анализируется, ни самими авторами, ни экспертами. По сути, в современных изданиях

«экономикс» реализуется принцип: «читай и помни!». Но, также как мировой экономический сбой показал, что «естественная для рыночных корпораций жажда к экспансии должна иметь определенные границы», также и в науке следует искать возможности возвращения к естественным основам бытия (т.е. к жизни «для других», а не «за счет других»). В преподавании экономики это должно, по всей видимости, найти выражение в направленности на формирование у учащихся целостной системы представлений об экономической реальности.

С.М.Пястолов